

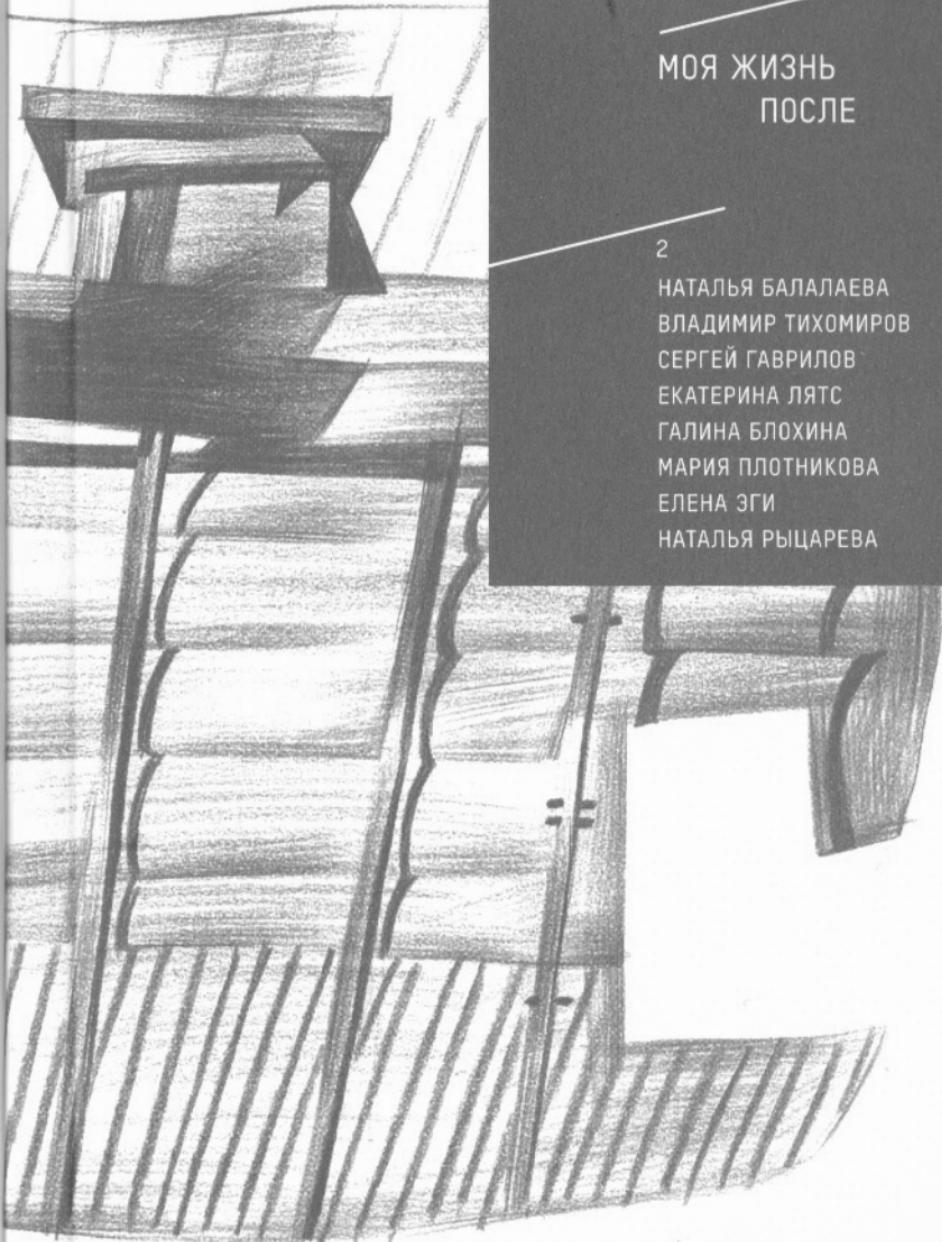

1917

МОЯ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ

2

НАТАЛЬЯ БАЛАЛАЕВА
ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ
СЕРГЕЙ ГАВРИЛОВ
ЕКАТЕРИНА ЛЯТС
ГАЛИНА БЛОХИНА
МАРИЯ ПЛОТНИКОВА
ЕЛЕНА ЭГИ
НАТАЛЬЯ РЫЦАРЕВА

S · P · R^o \

Мария Плотникова

Санкт-Петербург, 1952

искусствовед

||| Петербурга в Сибирь

Мой прадед, Виктор Алексеевич Такжин (1848–1917), был сыном крепостных родителей, отпущеных на свободу незадолго перед его рождением. Он получил образование в Нижегородском уездном училище, стал землемером, топографом высшей квалификации и дослужился до дворянского ранга надворного советника.

Профессия землемера заставила его много путешествовать по разным губерниям Российской империи. С 1889 года он вместе с женой и четырьмя детьми жил в Туркестане, где родилась и пятая дочь.

В 1895 году старший сын Николай Такжин, окончив местную гимназию с золотой медалью, решил отправиться в столицу и поступить на историко-филологический факультет императорского Санкт-Петербургского университета. Но денег на учёбу постоянно не хватало: в семейных архивах сохранились свидетельства, что из-за нехватки средств он то прекращал учебу, то восстанавливался в университете.

Кроме того, Николай попал под влияние студенческих революционных кружков, о чём недвусмысленно свидетельствует сохранившееся письмо от отца с ультиматумом: «Декабря 28, 1896 года... Обращаюсь теперь лично к тебе. Когда отправлял тебя в Университет, советовал тебе исполнять обязанности честно, всего зловредного удаляться, заниматься одной наукой. Теперь желаю я иметь от тебя письменное удостоверение в том, что ты даешь мне честное слово ни в какие кружки, ни товарищества, ни во что подобное не вступать, а лишь заниматься одной наукой, исполнять честно все правила Университета и государственных законов. Это письмо будет у меня как удостоверение твоего доброго жития. Если же наче чаяния не выполнил бы ты его, то я немедля представлю его, кому будет нужно для увеличения наказания. А так как на половине даром я не остановлюсь, а от тебя Еривать не имею права, то скажу следующее: если бы ты

не дал мне такого обязательства, то родственные отношения прекращаю — не отец я тебе. Всё написанное мною жёстко может быть, воспринимается на тебя, ибо ты к никаким неурядицам, сочинённым студентами, даже в уме расположения не имеешь (но что делать, я иначе поступить не могу) и никогда не имел и что ты живёшь в доброй нравственности — сему очень возрадуюсь!..»

Неизвестно, прислал ли Николай Такжин отцу письменное свидетельство своей политической благонадежности, но в 1900 году он окончил университет с дипломом 1-й степени (с тех пор отцовские письма были адресованы «Его Высокоблагородию Николаю Викторовичу»). Вскоре Николай Такжин стал преподавателем истории и литературы в женских гимназиях Петербурга — в Литейной, Василеостровской и Александровской, а затем он перешёл работать в Смольный институт в Императорское воспитательное общество благородных девиц, а позже он был назначен инспектором классов Петербургской женской гимназии имп. Марии Александровны в ранге статского советника.

В 1900 году Виктор Алексеевич Такжин в осуществление планов Витте по экономическому взаимодействию Туркестана и Сибири и переселенческой политике Столыпина был переведён работать в Томск. Он служил топографом высшего оклада Томской партии по почтенному устройству в 1900–1914 гг., что зафиксировано в Памятных книжках Томской губернии.

Революционные события произвели на него глубокое впечатление. В письме сыну Николаю он писал: «Новых стечий в Томске нет хороших, только каждый день грабежи да убийства. Ещё стали ходить слухи в публике, что с 17–20 октября будут ходить-де по квартирам и узнавать, кто какой партии принадлежит, и в случае же необходимости, распорядятся револьверами... Плотниковы пишут, что к ним в село пришли солдаты и казаки выколотили подати; прежний-то поп научил крестьян не платить, только явилось воинство, богатые и состоятельные...»

Час и стали платить, а беднота израсходовала и ко времени не имела, чем уплатить, продают коров и проч., так что они, то есть Маня и Иннокентий (Мария Викторовна и Иннокентий Ильич, священник села Анисимовского Томской губернии, расстрелян в 1937 году), отдали в заем свои 40 руб. бедным, потому что, — как Маня пишет, — нам они теперь не нужны». Нелишне было бы упомянуть, что моя бабушка, Мария Викторовна Плотникова, в это время ожидала прибавления семейства — её первенец Алексей родился в 1907 году.

Свержение самодержавия Виктор Алексеевич и вовсе воспринял как крушение основ бытия — он умер через несколько недель после февральской революции 7 апреля 1917 года.

Между тем в самом Петрограде в 1918 году царил голод. «Тяжёлая необходимость заставила Центральную Управу вновь уменьшить паёк, — писала газета «Рабочая и крестьянская Красная армия и флот». — С понедельника 29 апреля петроградцы будут получать полфунта хлеба на 2 дня».

В таких условиях среди педагогов старой школы и возникла идея эвакуации петроградских детей на восток страны — в более благополучные губернии, не затронутые революционными волнениями.

Инициатива эвакуации детей была принята большевистской властью на основе социальной справедливости: более обеспеченные родители оплачивали поездку не только своих чад, но также детей городской бедноты. Кроме того, идея эвакуации была вполне в духе времени — Наркомпрос провозгласил в это время принцип отрыва детей от семьи и воспитания нового человека в социуме, свободном от буржуазных предрассудков.

«В культурном обществе будущего дети будут принадлежать обществу, а не семье, — писала газета «Петроградский голос». — Везти детей дальше от их родителей. Научить детей ценить общество и страну выше семьи и себя самих — одна из задач новой педагогики и новой школы».

И вот в мае 1918 года две колонии (около 1000 детей в возрасте от 3 до 16 лет) были отправлены на Урал, где они неожиданно оказались в зоне военных действий в связи с начавшимся мятежом чехословацкого корпуса.

Возвращаться в Петроград было невозможно — из-за боевых действий путь домой был отрезан.

На помощь детям и отчаявшимся воспитателям пришли сотрудники Американского Красного Креста, находившиеся в России в составе Американской сибирской Миссии. Американцы не только накормили и одели детей, но даже организовали достаточно регулярные школьные занятия, обеспечив учебниками и тетрадями.

Тем временем военная обстановка на Урале становилась всё более сложной. Тогда Американский Красный Крест сумел сформировать несколько железнодорожных составов, собрать детей обеих колоний и отправить их подальше от линии фронта — во Владивосток. Там дети провели почти целый год в составе единой Петроградской колонии под опекой Красного Креста, который полностью финансировал их содержание, обучение и лечение.

После оккупации Владивостока японцами весной 1920 года Американский Красный Крест должен был покинуть территорию России. По настоянию начальника Петроградской колонии полковника Райли Аллена и на его личную ответственность было принято решение не бросать детей на произвол судьбы, а оставить их под опекой Красного Креста и отправить их в Петроград единственным возможным путём — морским. Несмотря на напряжённые отношения с Японией, Райли Аллену удалось зафрахтовать японский сухогруз, который был переоборудован под пассажирское судно. Плавание заняло почти два месяца: пароход шёл по маршруту Владивосток — японский порт Муроран — Сан-Франциско — Панамский канал — Нью-Йорк — французский порт Бордо — финский порт Койвисто — Петроград. Наконец к январю 1921 года — после двух лет и семи месяцев

таний — «колонисты» вернулись в Петроград, совершив самое настоящее кругосветное путешествие.

Ещё в начале этого путешествия гимназистки Мариинской гимназии под руководством учительницы французского языка Елизаветы Андреевны Цорн прибыли в Томск, где их уже ждал Николай Такжин.

Гимназистка Валентина Рогова вспоминала: «Получили письмо из Томска, от Николая Викторовича Такжина, инспектора Мариинской гимназии, с предложением приехать туда, чтобы не пропускать учебного года. Для нас там всё было приготовлено. <...> Делать нечего, собирались. Хором твердили адрес инспектора: «Улица Ново-Карповская, 10, дом Тюрокова» — на случай, если кто-нибудь где-нибудь вдруг останется. Так и ехали. Но чью приехали в Томск. Шли в темноте по большой дороге и дошли пали до Епархиального училища...»

Училище поразило измученных гимназисток.

«Проснувшись, увидели себя в большом, чистом, с высокими потолками и огромными окнами — дортуаре, — вспоминала Валентина Рогова. — Казённое великолепие: дортуар, столовая, класс. Большой широкий коридор, умывалка...»

Вскоре начался учебный год. Как вспоминали гимназистки, требования к учёбе в Томском епархиальном училище были очень высокими. Учились по-настоящему, ленивые оставались на второй год.

Николай Такжин помог справиться педагогам гимназии и с проблемой питания детей: «Главной, почти единственной пищей к середине зимы стала капуста — свежая и кислая. Её посоветовал как можно больше закупить мудрый Николай Викторович. Капусты разрешалось есть сколько угодно. Это спасало детей не только от голода, но и от цинги. Каждая девочка всегда имела в запасе листья и кочерыжки. По вечерам в классе не только шелестели страницы учебников, но и раздавалось похрустывание. Николай Викторович в шутку

называл девочек кроликами».

В конце лета 1919 года в Томск добрались и другие дети-колонисты из разных мест. И под эгидой Американского Красного Креста они отправились дальше на Восток.

Николай Такжин остался в Томске. Его имя вновь всплыло в Томске в 1922 году в связи с абсурдным обвинением в саботаже помощи голодающим.

«Прошедшие перед судом свидетели с очевидностью установили влияние епархиальной верхушки на общий ход работ местного духовенства вообще и на его преступное повеление в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, — писала томская газета «Красное Знамя». Полно и всесторонне освещена и физиономия гражданина Богоявленского (епископа Виктора). Действуя по приказу патриарха Тихона и имея в виду искоренение крамолы в виде революции в церкви, он задался втянуть Томскую епархию в политическую борьбу, не особенно считаясь с апостольской и соборными точками зрения. Тон был дан патриархом Тихоном — никаких новшеств! И епископ Виктор проводил это в жизнь. И не удивляет, после этого документ (оглашённый во время следствия), в котором епископ Виктор, учитывая возможность своего ареста, передает епархию преосвященному Иннокентию епископу Бийскому, клятвенно обязывая членов епархиального управления никакого другого епископа не признавать».

По делу «Томских священников» проходил 31 человек. Епископ Виктор (Всеволод Богоявленский) был приговорён к расстрелу — вместе с 9 священниками и мирянами. Среди них был и Николай Такжин, член приходового совета томской Богоявленской церкви, «активно сопротивлявшийся изъятию ценностей».

После обжалования жестокого приговора на документе была сделана пометка: «Учитывая заслуги Такжина Николая, трибунал считает возможным высшую меру

наказания — расстрел — заменить Такжину пятью годами лишения со строгой изоляцией, причём, давая ему возможность загладить свою вину перед пролетарским государством, и эту меру наказания трибунал применяет условно».

В 1925 году Николай Такжин смог вернуться в Ленинград. В советское время он женился на бывшей преподавательнице Константиновской женской гимназии Елене Ивановне Булановой, дочери петербургского епархиального архитектора. Бездетная пара воспитывала двух детей его сестры Юлии Викторовны. Начиная с середины 1930-х гг. до смерти в 1951 г. Н.В. Такжин читал курс латинского языка курсантам Военно-морской медицинской академии в Ленинграде.

Художник Мария Титова

Т 93

1917: МОЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ:
 Сборник воспоминаний : 85 кн. / Под ред. А. А. Васенёва, В. Н. Тихомирова. —
 М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017.
 ISBN 978-5-905615-44-3

Книга II. 2017 — 68 с. : ил.
 ISBN 978-5-905615-46-7

В год 100-летия революции редакция медиапроекта «Стол» публикует подборку семейных историй от самых обычных людей, которые помогли нам по-новому посмотреть на события 1917 года и осмыслить произошедшее с нашими предками на переломе эпох.

Дневники, старые письма, рассказы бабушек и дедушек — всё это лежит в основе живой истории нашей страны, той истории, о которой не пишут в учебниках и не говорят по телевизору. Наши книги стали ещё и своеобразным мостом из настоящего в прошлое, ведь наши авторы порой говорят о том, о чём в их семьях молчали десятилетиями.

Именно поэтому участие в создании этой книги для многих стало шагом присоединения к Акции национального покаяния «Имеющие надежду», которая проходит в России в год 100-летия революции.

ISBN 978-5-905615-46-7 [Книга II]

ISBN 978-5-905615-44-3

Содержание

Андрей Васенёв
 Предисловие

7

Наталья Балалаева
 Только сейчас я могу представить,
 о чём молчал мой папа...

11

Владимир Тихомиров
 Ботиночки

19

Сергей Гаврилов
 Они боялись, что мы будем
 претендовать на имущество

31

Екатерина Лятыс
 В старых домах Москвы всё ещё стоят батареи,
 сделанные руками прадеда

35

Галина Блохина
 Власть не щадила никого

41

Мария Плотникова
 Из Петербурга в Сибирь

45

Елена Эги
 История семьи после революции
 словно оказалась под запретом

53

Наталья Рыцарева
 Мне самой надо каяться за все годы,
 прожитые в СССР

63